

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И ИСТОРИЯ
ЯЗЫКОВ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

Книга посвящена вопросам индоевропейского сравнительного языкознания и исторической типологии индоевропейских языков. В первой части содержится исследование образования общеиндоевропейской категории винительного падежа в связи с развитием противопоставления категорий глагольной транзитивности и интранзитивности. Во второй — освещаются вопросы перехода некоторых индоевропейских языков от древнего состояния к новому, их историко-генетические и ареальные отношения. Третья часть посвящена вопросам лексики и фонетики языков балканского ареала.

Книга предназначена для специалистов по индоевропейским языкам и сравнительному языкознанию.

Рецензенты:

Е. А. РЕФЕРОВСКАЯ, С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

Ответственный редактор

В. П. НЕРОЗНАК

ПРЕДИСЛОВИЕ

В работе над этой книгой передо мной стояла задача показать различные аспекты общего направления моих исследовательских интересов, довольно точно определенного в заглавии «Сравнительное языкознание и история языков». Наряду с написанным в последние годы в состав книги мною включены и некоторые более ранние работы, что дало возможность расширить круг вопросов, объединяемых под знаком исторического и сравнительно-исторического подхода к языкам одной определенной генетической общности — индоевропейской, составляющей непосредственный предмет моих научных занятий.

Материал распределен по темам: I. К проблеме развития грамматического строя индоевропейских языков; II. Из истории индоевропейских языков; III. Balcanica.

В самом расположении указанных разделов отразилась последовательность перемещения центров моего внимания с общих проблем генезиса грамматического строя индоевропейских языков на вопросы позднейшей истории отдельных частей индоевропейского лингвистического единства. Правда, и в своих более ранних историко-типологических исследованиях, ориентированных на факты сравнительной грамматики, я, по мере возможности, старалась не отрываться от языкового материала, непосредственно данного в текстах.

Первую часть книги составили отдельные главы из моей большой монографии «Развитие категории прямого

дополнения в индоевропейских языках», написанной в 40-е годы. Им предпослано введение: «Вопросы типологии предложения и проблемы происхождения номинативного строя индоевропейских языков в исследованиях советских лингвистов 30—40-х годов».

Помимо того что основная часть названной монографии не была в свое время опубликована, можно указать еще на два момента, побудившие меня предложить вниманию читателей результаты раздумий и поисков тех далеких лет, когда в кругу молодых лингвистов, объединявшихся вокруг И. И. Мещанинова, кипели горячие споры по вопросам исторической типологии предложения и, в частности, по вопросу о генезисе номинативного строя индоевропейских языков, о том, предшествовала ли ему «эргативная стадия предложения». Назову эти побудительные моменты.

1. В настоящее время вопросы исторической типологии грамматического строя вновь становятся актуальной темой лингвистических исследований. В связи с этим типологические концепции, развивавшиеся советскими языковедами в 30—40-е годы, стали предметом внимания и изучения уже как особая глава истории лингвистической науки.

2. Я не могу не испытывать чувства удовлетворения в связи с тем, что на современном уровне изучения указанных проблем, в частности по вопросу о генезисе номинативного строя, получает поддержку та концепция, которую я развивала в своем раннем исследовании, посвященном происхождению категории прямого дополнения в индоевропейских языках и соответственно категории глагольной переходности/непереходности. Эта концепция вполне укладывается в получившую признание за последнее время теорию активного строя.

С учетом указанных двух моментов написано упомянутое выше введение, задачей которого является: а) представить публикуемые главы моей давней работы в историческом контексте ее написания и таким образом хотя бы

частично воссоздать обстановку научных дискуссий, в процессе которых возникали и развивались идеи того направления, которое в недавнее время получило наименование «контенсивной типологии»; б) связать типологические работы 30—40-х годов с исследованиями сегодняшнего дня.

Г. А. Климов, возобновивший и оригинально продвинувший вперед разработку указанных проблем, одновременно является внимательным и доброжелательным историографом трудов своих научных предшественников. В книге «Типологические исследования в СССР. 20—40-е годы» (М., 1981) он тщательно и с полной объективностью изложил содержание опубликованных в те годы работ.

Мой рассказ — рассказ одного из авторов-участников научной традиции, которая теперь стала предметом изучения, возможно, чем-то дополнит повествование историографа; во всяком случае он внесет в него некоторые живые акценты. Если в расстановке этих акцентов проявилась известная доля субъективизма и если само изложение покажется несколько эмоциональным, думаю, что читатели могут мне это простить.

Во второй и третьей частях книги отражены мои научные интересы сегодняшнего дня.

В разделе «Из истории индоевропейских языков» изложение концентрируется вокруг следующих вопросов: а) ареальные отношения языков в рамках поздней индоевропейской общности (статьи о древних германо-албанских и о балкано-балтийских языковых соответствиях); б) проблема перехода от древнего состояния индоевропейских языков к новому (на материале кельтских и албанского языков); в) возможности изучения истории языка с поздней письменной традицией, т. е. при отсутствии древних текстов на этом языке. Соответствующие вопросы рассмотрены в статьях «К изучению ранних периодов истории албанского языка» и «Диалектология — основа исторического изучения албанского языка». В этих статьях ча-

стично отражены результаты моих специальных исследований в области албанской языковой истории и диалектологии, опубликованных в других изданиях.

В раздел «Balkanica» вошли статьи по лексике и одна — по фонетике. Как это ни странно, именно лексика и фонетика до сих пор остаются менее всего охваченными сравнительно-балканистическими исследованиями, так как основное внимание балканистов продолжает концентрироваться преимущественно на вопросах грамматики.

Публикуемые в этом издании статьи следует рассматривать как один из первых опытов погружения в море проблем, которое, по крайней мере в данный момент, кажется мне безбрежным.

Вряд ли необходимо развивать здесь мысль о том, что сравнительное изучение лексики балканских языков предполагается в неразрывной связи с изучением данных истории и этнографии народов всего балканского ареала. Только таким путем можно надеяться достичь действительного понимания того, что представляет собой балканское языковое и историко-культурное единство, как оно складывалось. Вообще при решении вопросов образования языковых общностей первое слово должно принадлежать истории — истории языков и истории народов, их носителей.

І. К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОМИНАТИВНОГО СТРОЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВЕТСКИХ ЛИНГВИСТОВ 30—40-х ГОДОВ (Глава из истории советского языкознания)

В 30—40-е годы вопрос об эргативной структуре предложения¹ привлекал к себе очень большое внимание советских языковедов, преимущественно из числа тех, кто разделял в той или иной мере концепции «нового учения о языке» (в его «мещаниновском» варианте). Об эргативности много думали, много говорили, писали, спорили. Раньше других этим вопросом, естественно, заинтересовались кавказоведы, для которых он имел не только теоретическое, но и практическое значение (в связи с задачей составления школьных грамматик младописьменных языков Северного Кавказа). Однако помимо практической стороны, которая несомненно играла определенную роль, интерес к эргативной конструкции стимулировался тем, что он давал выход в теоретическую проблематику, непосредственно связанную с ориентацией в сторону специальных исследований в области грамматической типологии — направления исследований, заметно возобладавшего в «новом учении о языке» после смерти Н. Я. Марра.

Следует учесть также психологический фактор — притягательную силу кавказоведения, в известной мере по-

¹ Кажется, нет необходимости пояснять содержание понятия «эргативная конструкция предложения». Вопрос этот во всей полноте изложен в новейшей советской литературе по лингвистической типологии. См. «Очерк общей теории эргативности» Г. А. Климова (М., 1973),² содержащий исчерпывающую библиографию, а также последующие публикации того же автора.

вливавшую на сложение научных интересов многих молодых филологов в период 20—30-х годов. Притягательная сила, своего рода обаяние кавказской тематики, имевшие корни в давних традициях русской культуры, получили новые импульсы благодаря специальным научным интересам и энтузиазму Н. Я. Марра, отводившего языкам и культуре народов Кавказа особое место в первоначальном построении своей теории, названной им «яфетической» (в соответствии с принятым им наименованием языков и народов Кавказа «яфетическими»).

Именно благодаря тому, что в кавказских языках с классической ясностью и разнообразием представлены образцы грамматической конструкции, получившей наименование «эргативной», и что в этом отношении они типологически сходны с баскским языком, которому Марр, также именуя его «яфетическим», отводил наряду с кавказскими особое место в своей концепции, именно через это структурное схождение впервые начала получать более определенные лингвистические очертания теория языковых стадий, имевшая в изложении самого Марра еще очень расплывчатый характер.

В своих занятиях проблемой эргативности советские исследователи тщательно учитывали более ранние работы, и в первую очередь статьи Г. Шухардта и К. Уленбека. К деятельности этих выдающихся ученых, занимавших обособленную от младограмматического компаративизма позицию, лингвисты марровской школы вообще проявляли сочувственный интерес. Их суждения по вопросам эргативности, и в особенности исследования Уленбека о структуре предложения в языках североамериканских индейцев, использовались в качестве отправного момента для дальнейшего изучения проблемы — уже преимущественно по материалам живой устной и письменной речи народов Советского Союза.

Вопросы, связанные с типологией предложения, с характером выражения субъектно-объектных отношений средствами эргативной и номинативной структур, особенно живо обсуждались в 30—40-е годы в коллективе Института языка и мышления имени акад. Н. Я. Марра, сокращенно называвшегося ИЯМ. «Иямовцы» много раздумывали об этих вопросах и много спорили. Можно выделить целую серию тем, служивших предметом рассуждений и дискуссий: «активный» или «пассивный» характер эргативной конструкции; ее актуальность в данном языке или

пережиточность — вопрос, связанный с более общей постановкой проблемы различия между «эргативным строем», отражающим определенный тип мышления, и «эргативной конструкцией», которая может быть наполнена качественно новым содержанием и соответствовать по своим функциям номинативной; можно ли считать эргативный тип выражения субъектно-объектных отношений стадильно предшествующим номинативному? Пути трансформации эргативного строя в номинативный. Какой тип структуры предложения мог предшествовать эргативному? Ранние и поздние фазы эргативного и номинативного строя. Развитие мышления и развитие синтаксических структур в их соотношении; есть или нет определенная связь между тем и другим. Характер выражения субъектно-объектных отношений в предложениях эргативного и номинативного типов. Соотношение реальных и грамматических субъектов и объектов; *agens* и *patiens*, их выражения. Характер глагольных предикатов — переходность и непереходность, глаголы действия и состояния. Проблема залогов — ее соотношение с развитием номинативных структур. Падежи и их связь с определенными типами синтаксических структур. Таковы были основные вопросы, ставившиеся применительно к материалу конкретных языков, круг которых постоянно расширялся. Помимо языков Кавказа предметом исследования становились языки народов Севера и американских индейцев. В связи с изучением следов дономинативного строя в индоевропейских языках велись споры об «эргативном прошлом» этих языков. Этот последний вопрос являлся по существу основным при решении общей проблемы стадильной трансформации синтаксических структур.

Наиболее значительными событиями в разработке теории эргативности в период 30-х годов можно считать: а) изучение эргативности на материале аварского языка в работах А. А. Бокарева — его исследование «О „пассивном“ характере аварского переходного глагола» (1934 г., диссертация) и заверченный к началу 1941 г. «Синтаксис аварского языка» (опубликован посмертно в 1949 г.); б) исследование С. Д. Кацнельсона «К генезису номинативного предложения» (диссертация 1935 г., книга 1936 г.); в) труды И. И. Мещанинова «Новое учение о языке. Стадильная типология» (Л., 1936) и «Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения» (Л., 1940).

В исследованиях Анатолия Бокарева с удивительной тонкостью и глубиной лингвистического анализа была решена задача описания синтаксической системы языка с эргативной структурой предложения. На большом материале, извлеченном из литературных и фольклорных источников, тщательно проверенного в работе с носителями языка, автор показал реальное функционирование нескольких типов предикативных конструкций, различающихся в зависимости от характера глагольных предикатов, связанного с ориентацией выражаемого действия. Выделены следующие типы предикативных конструкций, в которых представлены различные способы передачи субъектно-предикатных и субъектно-объектных отношений: 1) предложение с непереходным сказуемым; 2) предложение с переходным сказуемым; 3) предложение со сказуемым, выраженным глаголами чувствования; 4) предложение со сказуемым, выраженным глаголом восприятия; 5) непереходные употребления переходных глаголов и переходные употребления непереходных глаголов; 6) глагол длительного вида в качестве сказуемого; 7) глагол понудительного залога в качестве сказуемого; 8) причастие в роли сказуемого; 9) составное сказуемое и связанные с ним явления.

Таким образом, собственно эргативная конструкция с переходным глаголом и особым эргативным (активным) падежом субъекта оказалась представленной на широком фоне всех существующих в аварском языке способов передачи субъектно-предикатных и субъектно-объектных отношений. Точно так же и активный (эргативный) падеж был показан на фоне всей системы падежей и в соотношении присущих ему функций — подлежащего в конструкции с переходным глаголом и дополнения (в значении орудия или средства действия). Для дательного и местного падежей также показывалось соотношение присущей им функции выражать подлежащее при глагольных предикатах определенного значения с остальными их функциями (различные типы дополнений и обстоятельств). Анализ случаев, как бы нарушающих инвариантную строгость определяющего для эргативного синтаксиса противопоставления конструкций с переходными и непереходными глаголами, позволил автору обнаружить в синхронно описанной системе ее более глубокий диахронный план. Так, в главе о непереходных употреблениях переходных глаголов и переходных употреблениях непереходных

А. А. Бокарев писал: «Двойственность значения затронутых в этом параграфе глаголов, конечно, не может быть случайной. Она может быть объяснена только как следствие развития в лексически и синтаксически едином глаголе противоположных синтаксических (а в некоторых случаях и лексических) значений. Совпадение двух различных значений в одной звуковой форме делает весьма вероятным предположение, что сквозь современную двузначность глаголов проглядывают более старые отношения, перекрытые господствующим сейчас делением глаголов на переходные и непереходные. Исторической основой этой двузначности является, очевидно, неразличение переходности и непереходности. Некоторые глаголы в дальнейшем закрепились как непереходные, однако возможность их переходного употребления указывает на их бывшее безразличие в отношении переходности и непереходности. Другие глаголы закрепились как преимущественно переходные, но употребление их в качестве непереходных указывает на то же безразличие!»²

Очень важное значение для понимания сущности и происхождения эргативной структуры, характерной для языков Кавказа, имело открытие связи между типом конструкции и видовым значением глагола. Одной из особенностей аварского переходного глагола, писал Бокарев, «является то, что он становится непереходным, если необходимо выразить действие длительное».³

Можно заметить, что в сравнении с описанием эргативной структуры аварского языка, выполненным Бокаревым в строго синтаксических понятиях и терминах, многие современные ему, как и некоторые из последующих описаний аналогичных структур, кажутся поверхностными и недостаточными.

Кандидатское исследование С. Д. Кацнельсона «К генезису номинативного предложения», которым молодой ученый сразу завоевал себе признание как теоретик, было посвящено проблеме исторической типологии синтаксических категорий и имело в качестве отправной идеи концепцию Н. Я. Марра о стадильности языкового развития. Автор развивал в нем положение о том, что появлению номинативного строя, представленного в настоящее время в большинстве языков мира, должен был предшествовать

² Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. Л., 1949, с. 47.

³ Там же, с. 29.

эргативный строй — как более ранняя стадия в развитии предложения. Таким образом, утверждался универсальный характер эргативности. Переход от эргативного строя к номинативному характеризовался С. Д. Кацнельсоном как «грандиозного масштаба революция»,⁴ отражавшая определенные сдвиги в развитии сознания. Тот факт, что эргативная конструкция при всем различии морфологического выявления «прослеживается в громадном количестве языков, говорит о том, что не случайные обстоятельства породили этот строй, что он является общезначимой ступенью в развитии предложения».⁵ «Стадиальный» подход к вопросам типологии предложения очень ярко выражен в словах: «Сопоставление конструкций предложения в языках различных систем вскрывает, при различии морфологического оформления, единообразие их семантического и синтаксического содержания на одной и той же стадии общественного развития — единообразие, которое покоится на единстве происхождения и развития человеческого мышления».⁶

Пользуясь описаниями, имевшимися в литературе, С. Д. Кацнельсон изложил и суммировал основные черты эргативной конструкции предложения, в наибольшей мере опираясь на работы Г. Шухардта и в особенности К. Уленбека. Специальный «Экскурс в область истории сознания (Объективное и субъективное в первобытном сознании)» имел целью определить исходные семантические основания эргативного строя предложения, заложенные в особенностях первобытного мышления, т. е. представить «идеологическое содержание» эргативной конструкции.

Возникновение эргативного строя С. Д. Кацнельсон связывал с выработкой понятия о способности предметов к действиям, причем действенность мыслилась не как имманентно присущее им свойство, но как случайное для них состояние, в которое они попадают помимо своей воли. В этой случайности, неимманентности действия как свойства, приходящего к предмету извне, он усматривал нечто подобное понятиям «мана» или «оренда», выявляющим примитивные представления о свойствах предметов выступать «носителями действенного начала». Таким образом, он

⁴ Кацнельсон С. К генезису номинативного предложения. Л., 1936, с. 103.

⁵ Там же, с. 63.

⁶ Там же, с. 9.

вслед за Уленбеком считал, что в становлении эргативной конструкции с активным падежом субъекта действия определяющим моментом должно было послужить производившееся первобытным сознанием разделение предметов на «активные» и «пассивные».

С внешним источником действенной силы Кацнельсон довольно неопределенно связывал один из наиболее ярких признаков эргативной конструкции переходного глагола — постановку *agens'a* в особом активном (эргативном) падеже, принадлежащем к числу косвенных. Так как Кацнельсон в целом отрицал объяснение, предложенное Уленбеком, считая его привносящим религиозный момент в построение транзитивного предложения эргативного строя (эманация скрытой силы, определяющей «активность действующего предмета», соответственно «*Casus energeticus* = *casus emanativus*»), то оставалось малопонятным его разъяснение «внешнего» характера «действенности» лица или предмета, благодаря которому «к чистому представлению о предмете прибавилось какое-то новое отношение».⁷

В результате возникновения характерной для эргативного строя конструкции с косвенным падежом субъекта при транзитивном предикате оставалось в сущности нераскрытым. И вообще весь комплекс грамматических явлений, определяющих специфику эргативного строя, не получил достаточного обоснования в приписываемых ему качествах производного от той стадии первобытного сознания, которую С. Д. Кацнельсон попытался воссоздать в своем «Экскурсе». Вырисовывались лишь общие контуры существенно иного, «дономинативного» строя предложения, следы которого могут быть обнаружены в разного рода пережиточных явлениях.

Принципиально важным моментом в концепции Кацнельсона было четко проведенное им различие между «актуальной» и «пережиточной» эргативностью, иначе говоря, между «эргативной конструкцией, сохранившейся во многих языках мира, и эргативным строем», существовавшим на более ранних этапах общественного развития в соответствии с более примитивным уровнем сознания. «Не следует смешивать ту или иную конструкцию со строем предложения. Строй предложения в огромном большинстве языков мира номинативный».⁸ С этой точки зрения

⁷ Там же, с. 92.

⁸ Там же, с. 103.

пережиточными являются как эргативные конструкции в языках Северного Кавказа, так и черты эргативного строя, обнаруживаемые, по мнению Кацнельсона, в индоевропейских (и других) языках.

Следам «эргативного прошлого» в индоевропейских (специально в германских) языках была посвящена большая часть исследования Кацнельсона. В какой мере выделенные им явления свидетельствуют в пользу положения об универсальности этапа эргативной структуры предложения, будет речь ниже.

В истории изучения вопросов эргативности книга Кацнельсона «К генезису номинативного предложения» важна прежде всего своими теоретическими аспектами, подходом со стороны исторической семантики грамматических категорий.⁹ Можно утверждать, что она явилась определенным шагом в развитии того направления грамматического исследования, которое сам Кацнельсон много лет спустя назвал «содержательной» (контенсивной) типологией.¹⁰

Стадиальная типология строя предложения стала с середины 30-х годов доминирующей темой докладов, статей и книг И. И. Мещанинова, открыв тем самым «мещаниновский» период в истории так называемого «нового учения о языке».¹¹ Развивавшееся им направление исследований оказало сильное и в целом положительное влияние на лингвистическую работу в нашей стране, стимулируя синхроническое и диахроническое изучение языковых структур, с особым вниманием к содержательной стороне грамматических категорий и с установкой на выявление исторических закономерностей их возникновения и функционирования.

⁹ Об интересе, вызванном появлением в печати исследования С. Д. Кацнельсона, свидетельствует положительная оценка, данная ему в рецензии К. Уленбека, одного из основателей теории эргативности, в журнале «Museum. Maandblad voor Philologie en Geschiedenis» (Leiden, 1937, N 9, p. 226—227).

¹⁰ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 11.

¹¹ Название «новое учение о языке», которое Н. Я. Марр дал своей концепции взамен более раннего названия «яфетическая теория», продолжало устойчиво сохраняться в 30—40-е годы, хотя ссылки на конкретные положения лингвистической теории самого Марра приобретали все более и более формальный характер, а его методом лингвистического анализа («по четырем элементам») в сущности уже никто не пользовался.

В своем программном докладе 1934 г. И. И. Мещанинов сформулировал задачи изучения «внутриязыковых явлений», считая необходимым «углубление знаний отдельных языков» и опору «непосредственно на языковые факты». ¹² В теоретическом плане задачи лингвистической работы определялись им с отчетливой ориентацией на проблемы исторической типологии грамматических явлений: «Уяснить значение и причину появления разновидностей грамматических категорий и их внешнего в слове выражения можно . . . только историческим подходом с учетом как единства глоттогонического процесса, так и разнообразия его выявления во времени и пространстве, т. е. в последовательно чередующихся стадиях и в синхроничных языковых группировках». ¹³

В том же докладе Мещаниновым была впервые предложена интерпретация эргативной конструкции как стадийного явления и высказаны соображения о сохранении ее формальных пережитков в языках с номинативным строем предложения. Опираясь на концепцию Уленбека, он искал объяснение происхождения эргативной конструкции в характере первобытного мышления, определявшегося им в то время как «магическое»; в исторически данных языковых структурах он усматривал отложения последовательных фаз перестройки и переосмысления старых грамматических форм в соответствии с нормами логического мышления.

Выполнению намеченной программы была посвящена книга «Новое учение о языке», ¹⁴ возникшая на основе исследовательского курса лекций, прочтенного в 1934—1935 гг. на Филологическом факультете Ленинградского университета. В этом труде проблема исторической типологии выражения субъектно-объектных отношений была впервые исследована на живом материале целого ряда малоизученных языков. Помимо нескольких северокавказских (абхазский, лезгинский, аварский, даргинский, лакский, удинский) объектом анализа явились также палеоазиатские языки (алеутский, юкагирский, чукот-

¹² Мещанинов И. И. Проблема классификации языков в свете нового учения о языке. — Речь, произнесенная в торжественном годовом собрании Академии наук 12 февраля 1934 года. Л., 1935, с. 5.

¹³ Там же, с. 35.

¹⁴ Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Стадийная типология. Л., 1936.

ский), которые И. И. Мещаниновым были впервые использованы как материал для постановки и решения проблем лингвистической теории. Кроме вышеупомянутых языков предметом изучения явились: строй предложения в немепу (язык индейцев Северной Америки из группы сахаптин), в урартском, а также в южнокавказских языках (последние рассматривались в качестве образца перестройки эргативной конструкции на нормы номинативного синтаксиса).

На этом этапе своих исследований И. И. Мещанинов предлагал следующую схему периодизации стадий: 1) активно-мифологическая (активно-пассивная), 2) пассивная (пассивная активизируемая), 3) эргативная (формально-пассивная), 4) активная, или активно-логическая (формально-активная).¹⁵

Своеобразной творческой лабораторией для И. И. Мещанинова были проводившиеся им во второй половине 30-х годов семинарские занятия со студентами и аспирантами Филологического факультета Ленинградского университета, в процессе которых углублялся анализ грамматического строя языков, главным образом языков народов Севера.

Палеоазиатские языки стали предметом долговременного научного увлечения И. И. Мещанинова. Они вызывали его особый интерес оригинальными особенностями своих грамматических структур, в которых он усматривал характерные признаки стадияльно более ранних состояний. Как результат занятий этими языками Мещаниновым была выдвинута новая исследовательская тема — проблема инкорпорации. В связи с разработкой ее был поставлен вопрос большого теоретического значения — «слово-предложение» как начальный этап развития грамматического строя языков. Хотя сами по себе эти вопросы уже возникали в истории языкознания, тем не менее их историко-типологическая трактовка, развернутая в исследованиях И. И. Мещанинова на оригинальном материале палеоазиатских языков, явилась новым словом в разработке глоттогонических проблем. В книге «Общее языкознание»¹⁶ им были сформулированы задачи изучения проблемы стадияльности в развитии слова и предложения

¹⁵ Там же, с. 329 и сл.

¹⁶ Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадияльности в развитии слова и предложения. Л., 1940.